
Николай Болгов

**МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ВАРВАРАМИ:
ФИНАЛ АНТИЧНОСТИ НА БОСПОРЕ
КИММЕРИЙСКОМ**

Долгое время в отечественной науке считалось, что Боспорское царство погибло в результате гуннского нашествия в конце IV в. Это стало общим местом в работах специалистов и вошло в учебники¹. *Однако, уже второе десятилетие ведется речь о континуитете не только материальной культуры, но и политических структур, форм искусства на протяжении позднеантичного времени (IV-VI вв.).*

В отечественной литературе последних десятилетий имеется лишь несколько общих очерков истории позднеантичного Боспора. В 1985 г. был опубликован единственный специальный очерк, подготовленный В. Д. Блаватским² еще в 1973 г. В книге И. П. Засецкой о гуннах (1994) есть небольшой раздел, посвященный общеисторической интерпретации археологического материала в Северном Причерноморье³. В 1996 г. вышел наш исторический очерк в монографии «Закат античного Боспора»⁴. Наконец, в неопубликованной пока докторской диссертации А. В. Сазанова (1999) четвертая глава представляет собой последнее на сегодняшний день отечественное историческое исследование⁵. Среди работ украинских коллег отметим полезную и содержательную главу в книге В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного (2000 г.)⁶, развивающую идеи, частично высказанные еще в 1998 г.⁷, а также важнейшую книгу А. И. Айбабина об этнической истории Крыма⁸.

По нашему мнению, позднеантичный период истории Боспора при всей условности хронологических рамок должен охватывать время от первых варварских вторжений в середине III в. до конца VI в. (тюркютского нашествия, включая близкий по хронологии ранневизантийский период 40-90-х гг. VI в.)⁹.

I. Готские походы и их последствия для Боспора

Истоки событий последнего периода истории Боспорского царства лежат в «смутном времени» середины III в. Общий кризис средиземноморской античной цивилизации во 2-й четверти III в. почти одновременно охватил и Боспор. Вместе с тем, на Боспоре не было резкой границы между позднеантичной и предшествовавшей ей эпохами. Решающее значение имело изменение внешнеполитической ситуации¹⁰, что было связано с развитием синполитейных обществ Восточной Европы. На северном побережье Меотиды появляются варварские племена, названные античными авторами готами, боранами и герулами. С востока почти синхронно двинулись сармато-аланские племена¹¹. Передвижения этих народов нарушили естественный жизненный ритм всех античных центров Северного Причерноморья. В конце второй трети III в. (269/270 гг.) была разгромлена Ольвия¹². Фактически на Боспоре встретились два потока движения: готский с севера и аланский с востока.

Один из первых ударов обрушился около 239 г. на Горгиппию и Раевское городище. Его нанесли, по всей видимости, аланы¹³. Позднее, около 251-254 гг., был разгромлен Танаис. Дата его гибели основана на археологическом, прежде всего монетном, материале¹⁴. Среди находок времен погрома есть ряд германских вещей, но после гибели города они концентрируются в нижнедонских кочевнических погребениях¹⁵. Разгромили Танаис, судя по всему, аланы¹⁶, хотя это мнение не бесспорно.

В середине 40-х гг. III в. к северным берегам Меотиды проникли остроготы и их союзники. Появление их на Боспоре было в целом мирным. И. Т. Кругликова объясняет это тем, что варвары вошли в соглашение с Фарсанзом, который появляется на боспорском престоле в 253-254 гг. Она высказывает предположение о том, что отношения части боспорской аристократии и племенной знати новых пришельцев не были враждебными¹⁷. Каким путем готы проследовали на Боспор, не совсем ясно, но, вероятнее всего, по северному побережью Меотиды¹⁸ и далее через степную Таврику.

Главную роль на первом этапе событий играли аланы, бораны и герулы¹⁹, чья этническая принадлежность точно не установлена.

Герулы до прихода на Боспор жили где-то в северо-восточном Приазовье²⁰. Первый морской поход варваров с территории Боспора состоялся в 255 или 256 г., второй – в 257 г. Зосим (Zos. I. 34-35) сообщает, что оба рейда были предприняты вдоль восточного побережья Понта с целью грабежа. Боспоряне были вынуждены предоставить для пиратов свои суда. В первый раз был разграблен Питиунт, во второй подверглись осаде Фасис, Питиунт, Трапезунт (Zos. I. 32-33), но гарнизоны дали им отпор. Главную роль в этих походах, по мнению А. М. Ременникова²¹, с которым согласна В. П. Буданова, сыграли бораны (скорее аланы, чем германцы), но участвовали и остроготы. Георгий Тавматург (ум. ок. 270 г.) сообщает о вторжении в Понтийскую область боравов – несомненно, того же племени²². Третий поход 258 г. шел двумя потоками: по морю и по суше, вдоль побережья Понта на запад и далее на юг. В рассказе Зосима об этом походе его участники как бы отделены от коалиции племен двух первых походов: «Соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить нечто подобное» (Zos. I. 34). Видимо, это была новая коалиция племен, базировавшаяся, скорее всего, западнее остроготов и боранов²³. Следующие походы произошли в 262, 263 (на Эфес), 264 (на Каппадокию), 266 (на Вифинию) годах. Крупнейшим походом был набег 267-268 гг. на Грецию, который организовали герулы (Dexipp. 21; Zos. I. 39; SHA, Hallien, 13. 6-10). Поход 269 г. отличался от всех предыдущих по характеру и по масштабам. Видимо, готы были намерены поселиться на территории империи, так как вместе с воинами в поход выступили и их семьи (Zos. I. 42-46; SHA, Claud. 6, 2; 8, 6; 9, 4). Наконец, в 275 г. «многие варвары с Меотиды» напали на малоазийские провинции. Потерпев ряд поражений от армии Тацита, варвары погрузились на (боспорские?) корабли, крейсировавшие все это время у южных берегов Понта, и начали отступление к Меотиде (SHA, Tac. 12, 2; Zos. I. 64, 2); отступающие варвары потерпели поражение от преследовавшего их римского флота.

Внутренняя ситуация на Боспоре в 253-275 гг. плохо освещена в источниках. Ни одна датированная надпись, относящаяся к периоду 250-275 гг., не известна²⁴. Еще Т. Моммзен обратил внимание на то, что Зосим не без основания обвинил в пиратских

набегах варваров с боспорской территории «ничтожных и недостойных правителей», пришедших к власти после прекращения старого царского рода²⁵. Видимо, Зосим имел в виду Фарсанза, захватившего власть в результате переворота в 253 г.²⁶ Впрочем, есть мнение, что Фарсанз мог объявить себя царем параллельно с легитимным правителем Рескупоридом, подняв мятеж на части территории царства²⁷, скорее всего, европейской²⁸, где и отмечены значительные разрушения III в. Независимо от размеров территории, на которую распространялась власть Фарсанза, его приход к власти был связан, скорее всего, с расколом в среде господствующего сословия царства. Одна группировка, очевидно, заняла патриотическую позицию, другая вступила с готами в союз. Тем не менее, монеты Фарсанза носят традиционное изображение римского императора. Этот факт можно рассматривать двояко: либо за короткое время правления (с ноября-декабря 253 по начало октября 254 г.²⁹) Фарсанз не имел возможности радикально сменить монетный тип, либо «проготская» группировка не желала разрывать пусть и ставшие номинальными связи Боспора с Римом. Вопрос остается открытым.

В 266-267 гг. появляются первые монеты с именем царя Тейрана. Так как после 268 г. на Боспоре в течение 7 лет не было выпуска монет, считается, что все эти годы (266-275) Тейран продолжал быть соправителем Рескупорида V. В пользу этого говорит и принадлежность Тейрана к династии Тибериев-Юлиев. В 275 г. на троне оказываются сразу три царя (от Савромата IV известны монеты только 275-276 года). Этот факт дал возможность Н. А. Фроловой расценить действия Рескупорида V как акцию дальновидного политика, прибегшего к соправлению для спасения своего государства³⁰.

В 50-60-е годы европейская часть Боспора значительно пострадала³¹. В это время погибает ряд поселений Крымского Приазовья, подвергается разгрому крепость и городок Илурат³² (между 267 и 275 гг.). Приблизительно тогда же заканчивается и история Нимфея как города. Большинство боспорских кладов этого времени были найдены именно в Восточной Таврике³³. Причина

разрушений кроется, видимо, в борьбе группировок на Боспоре и в дальнейших передвижениях племен.

275-276 г. оказался переломным в судьбе Боспора. Тейран стал единоличным правителем с осени 276 г. (КБН 36). Боспорское государство, несомненно, сохранило свою независимость. Это убедительно подтверждается данными нумизматики и эпиграфики. Несмотря на известные разрушения, сохранились основные города (кроме Нимфея и Мирмекия, крепости Илурат). Культурный слой в них непрерывен. Наглядным примером начавшегося процесса восстановления может служить комплекс большого общественного здания III-IV вв. типа пританея в Гермонассе³⁴. Часть населения разрушенных городов переселилась в главные центры: сравнение личных имен, инновации в области ономастической традиции Пантикапея во 2-й половине III в. говорят о переселении сюда части населения из Танаиса после разгрома последнего³⁵.

Прекратили свое существование боспорские поселения западнее Узунларского вала в Крымском Приазовье. Видимо, здесь прошла новая граница с осевшими варварами – участниками походов. Южный фланг этого рубежа оставил для боспорян «коридор» для связей с районами Феодосии и Судака, где в течение первой трети IV в. еще ощущается влияние боспорской материальной культуры.

Главное значение готских походов для истории Боспора заключается в том, что они нарушили естественный ход развития государства, причинили серьезный ущерб экономике, были первым звеном начавшегося продолжительного передвижения племен³⁶, в орбиту воздействия которого попадает с тех пор Боспор. Именно эти события – пролог будущего Великого переселения народов IV-VI вв. – можно считать рубежными в определении даты начала позднеантичного этапа истории Боспора.

Надпись КБН 36 на базе памятника, сооруженного в честь большой победы, одержанной Тейраном и по своему значению равной спасению государства, является важнейшим источником³⁷. Нет сомнения в том, что победа, о которой идет речь в надписи, связана с избавлением от возвращавшихся в 276 г. из набега готов и

герулов. После морской битвы близ Таврики разбитые варвары, скорее всего, высадились на сушу в боспорских пределах, где и были добиты боспорским войском. Победе был придан сакральный характер: в надписи упомянуты имена и должности многих настоящих и бывших царедворцев, организованных в особую сакральную коллегию аристократов, посвященную Зевсу и Гере Спасителям³⁸.

Единоличное правление Тейрана по нумизматическим данным длилось всего два года, так как имеются монеты только 277-278 гг. От последующих пяти лет – до начала выпуска статов Фофорса в 285 г. – монет не найдено³⁹. Эпиграфические и письменные свидетельства о Тейране в дальнейшем также отсутствуют. Поэтому мы не знаем, как и чем окончилось правление этого царя.

Следующие несколько лет боспорской истории весьма темны. Лакуна между Тейраном и Фофорсом охватывает 279-284 гг. Из эпиграфики известно имя царя Хедосбия⁴⁰. Издатель надписи В. В. Шкорпил поместил его правление на конец III в., а именно – на те годы, в которые нет монет Фофорса: 280-283 гг.⁴¹ Монеты Хедосбия неизвестны. В. Ф. Гайдукевич распространил время его правления на весь темный период 278-285 гг.⁴², хотя первоначально относил его к разрыву в правлении Тейрана (267-8-275-6 гг.)⁴³. Впрочем, высказывались соображения, что правление этого царя отнести к более позднему времени.

II. Боспор в конце III-IV вв.

В 285 г. к власти приходит правитель с иранским именем Фофорс. А. Н. Зограф, исходя из нединастического имени этого царя и наличия на обратной стороне его монет тамгообразного знака, считал, что он и, возможно, его преемник Радамсад не принадлежали к исконной династии⁴⁴. В пользу этого предположения говорит и темный характер предшествовавших его воцарению лет. При отсутствии источников можно допустить, что к власти пришел представитель одного из видных старых родов сарматского

происхождения, причем его легитимность не вызывала сомнений. Об этом свидетельствует его долгое и относительно спокойное правление. Он, видимо, нашел компромисс с переселявшимися с востока аланами, открыв им «коридор» на запад. Вместе с тем заметим, что аланы могли переселяться в Крым и с севера, через Перекоп, который никто не контролировал.

Последнего десятилетия III в. и начала IV в. касается известный пассаж Константина Багрянородного о боспорско-херсонесских войнах (о первой войне – *De administrando imperio*, 53). Рассказ Константина принимают как достоверный многие специалисты⁴⁵. Однако в последние годы вновь началась критика этого текста.

Итак, по Константину, события выглядят следующим образом. Во время царствования Диоклетиана царь Боспора Савромат, собрав войско из примеотийских «савроматов», пошел походом на римлян и, завоевав страну лазов и покорив местных жителей, продвинулся вплоть до р. Галис. Узнав об опустошении Лазики и Понтики, Диоклетиан послал войско во главе с Констанцием против вторгшихся сарматов. Так как у римлян не хватало сил для изгнания сарматов, император обратился за помощью к херсонесцам. Херсонесское войско вторглось на территорию Боспора и военной хитростью овладело столицей – городом Боспор. Савромат был вынужден возвратиться на Боспор. В итоге херсонесцы получили некоторые привилегии от империи, в т. ч. освобождение от налогов.

В. А. Анохин предлагает следующую возможную хронологию боспорско-херсонесских войн, реконструируя 4 войны: первая – 284-292 гг., вторая – 323-337 гг., третья и четвертая – позднее⁴⁶. Свою реконструкцию предложил также В. А. Сидоренко.

Б. И. Надэль пришел к выводу: херсонесские истории Константина – это извлечения из местной херсонесской хроники, возникшей в V или VI в.⁴⁷ Датировка основывается на употреблении названия «Боспор» для столицы царства и «Кафа» для бывшей Феодосии. В связи с этим Н. А. Фролова задает вопрос, а не происходили ли эти события гораздо позже⁴⁸, ведь еще в 306 г.

Феодосия носила свое старое название (КБН 64), а в V в. называлась по-алански Ардабда. Константин, однако, ясно говорит о времени Диоклетиана (хотя сюда же он помещает и более раннюю историю Гикии), а новые названия боспорских городов за 600 лет употребления в Византии ко времени Константина прочно вошли в географические представления жителей империи⁴⁹. В то время города Таврики носили уже свои поздние, византийские названия.

Я. Харматта предложил свою реконструкцию событий конца III в. Его хронология: 291 г. – выход из Боспора и завоевание страны лазов; 292 г. – вторжение сарматов (т. е. аланов) в провинцию Полемонов Понт, война с Констанцием, нападение херсонесцев на Боспор, мир Савромата с римлянами; 293 г. – возвращение Савромата на Боспор. Известно, что в указанные годы царем Боспора был Фофорс. Харматта не без оснований предполагает, что имя Савромат (какова бы ни была причина этого явления) могло быть общим именем боспорских царей в херсонесской хронике⁵⁰.

В последнее время в подтверждение этой реконструкции событий приводятся археологические материалы⁵¹. Дата войны с Херсонесом подтверждается временем сокрытия клада монет из Судака, найденного в 1959 г. Наиболее поздняя из монет этого клада относится к 291 г.⁵² В 1927 г. у горы Курубаш близ Феодосии был обнаружен клад (не ранее 327 г.) исключительно из монет Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI⁵³. Он показывает, что в первой половине IV в. район Феодосии еще входил в состав Боспора, быть может, до войны 336 г. с Херсонесом. Батарейка I на Тамани также могла быть разгромлена в бурное время конца 20-х – начала 30-х гг. IV в.⁵⁴

Вместе с тем отметим, что недавно началась новая полоса критики сведений Константина (К. Цукерман, А. И. Айбабин, более осторожно – В. А. Сидоренко). В любом случае факт относительно синхронного сокрытия кладов на западных подступах к Боспору нуждается в интерпретации, и другого письменного источника, кроме Порфирогенита, для объяснения этого пока нет.

Уточнить представления о последних годах правления Фофорса позволяет надпись Валерия Аврелия Сога от 603 г. б. э. (осень 305 – осень 306 гг.)⁵⁵. Употребление в ней слова ербсчйб дало возможность

специалистам высказать ряд соображений о политическом статусе Боспора в начале IV в. В. В. Латышев делает вывод об усилении римского влияния на Боспоре, но при этом подчеркивает, что «продолжало существовать Боспорское государство»⁵⁶. Б. И. Надэль предполагает проведение Римом активной политики в Северном Причерноморье при Диоклетиане и в связи с этим допускает некоторое ограничение власти боспорских царей в то время по аналогии с восточной политикой Нерона в 62-68 гг.⁵⁷ Возникает вопрос о причинах полного молчания о боспорском царе в надписи Сога, хотя в надписях подобного типа упоминание формулы с именем царя было обязательным. Так как нам достоверно известно, что царская власть на Боспоре в то время существовала, то умолчание о ней было вызвано какими-то политическими обстоятельствами, вероятнее всего – борьбой антиримских и проримских сил, а также тем, что Феодосия, может быть, была временно оккупирована Римом (т. е. проримским Херсонесом)⁵⁸. Если учесть, что Сог отсутствовал в Пантикапее 16 лет, т. е. покинул Боспор в 290 г., как раз в то время, когда последний проводит антихерсонесскую и, соответственно, антиримскую политику, а также то, что, будучи наместником Феодосии, он не упоминает о царе Боспора, то придется допустить, что Сог – римский ставленник в Феодосии⁵⁹. Сам факт того, что один из высших боспорских сановников в течение долгого времени, по-видимому, находился на службе у римских императоров, очень показателен⁶⁰. В этой связи уже высказывалось предположение о том, что Сог был одним из вождей боспорских изгнанников – сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, находившейся под контролем Херсонеса, а значит и Рима. На это, видимо, указывает и Псевдо-Арриан, говоря в V в. о том, что в Феодосии «жили некогда и изгнанники из Боспора». Но когда Феодосия была отторгнута от Боспора – по результатам боспорско-херсонесской войны конца III в.⁶¹ или в 30-е гг. IV в.? Точного ответа пока нет. Укажем, однако, на то, что неопубликованные более поздние случайные находки там имеются.

Рим в то время действовал в Таврике не непосредственно, а руками Херсонеса в тот момент, когда Боспор резко изменил свою политику и вторгся в малоазийские провинции. После восста-

новления status-quo в новых вмешательствах уже не было необходимости. Порядок нашел внешнее выражение также в неизменном сохранении на монетах Фофорса портретов римского императора⁶². Обычно это означало, что римский сенат признал данного правителя⁶³. Следовательно, события конца III в. не отразились на политическом статусе Боспора. Можно заметить прямую связь во времени отъезда Сога (290 г.) и времени начала кавказского похода Фофорса (291 г.). Объяснить поведение Фофорса, союзника римлян, напавшего на территорию империи, можно лишь сменой его внешнеполитических приоритетов под давлением боспорско-сарматской (или новой аланской) знати.

Об усилении позиций Рима в регионе свидетельствует также надпись КБН 1051 от 307 г. В ней употребляются римские названия двух столиц Боспора времен Августа – Кесария и Агриппия. Это кажется весьма удивительным через три столетия после первого упоминания. Вызывает интерес и формулировка, указывающая на существование автономных гражданских общин. Эта надпись также послужила в свое время аргументом в пользу гипотезы о переходе Боспора под прямое римское правление в начале IV в. Надпись имеет подчеркнуто проримский характер. Отсутствует имя боспорского царя. Но, вместе с тем, под надписью вырезан тамгообразный знак⁶⁴. Все это в целом подтверждает намеченные основные линии правления Фофорса: его сармато-аланское происхождение, наличие двух политических группировок на Боспоре и борьба между ними⁶⁵, усиление римского влияния на Боспоре в начале IV в. Правление Фофорса было заметным явлением в истории Боспора. Видимо, при нем впервые пришли к власти в полном объеме представители сармато-аланской знати, что отражало повышение их реальной роли в жизни Боспора. В последнем случае, видимо, проявились в последний раз старые претензии Боспора на гегемонию во всей Таврике⁶⁶, которые восходили ко времени Митридата и оживились после падения царства поздних скифов. Риму удалось пресечь эти тенденции.

После Фофорса боспорским царем становится правитель также с иранским именем Радамсад. Поскольку точно установлены

только надписи КБН 65, 66, особое значение приобретают монеты, выпущенные от имени этого царя⁶⁷. Первые шесть из 13-ти лет своего правления Радамсад царствовал единолично. Анализ поздних боспорских монетных кладов показывает, что ни в одном из 18-ти известных к этому времени кладов монеты Радамсада не являются последними⁶⁸. Это явный признак того, что при Радамсаде не было массового сокрытия кладов, что, в свою очередь, является признаком относительно стабильной внутренней ситуации. Косвенным подтверждением этого служит и то, что обе известные надписи Радамсада – строительные. В первой из них говорится о том, что царь соорудил какую-то постройку, возможно, башню⁶⁹.

В 314 г. параллельно с монетами Радамсада появляется первый выпуск Рескупорида VI⁷⁰. В надписи КБН 66 засвидетельствован факт совместного правления двух царей. В конце 318 г. происходит еще один выпуск Рескупорида VI⁷¹. А. Н. Зограф относил период соправления к 315-316 гг.⁷², Л. П. Харко и Д. Б. Шелов – к 315-319 гг.⁷³ Н. А. Фролова предложила считать годами соправления 314-319 и 322 гг.⁷⁴ Отмечается, что чеканка монет не была одинаково интенсивной. Начиная с 319 г., выпуски монет Радамсада уменьшаются, а после 322 г. более вообще не чеканятся.

Обстоятельства ухода Радамсада с трона неясны. Однако известно, что в 322 г. на Дунае херсонесские войска помогли Риму отразить каких-то северопричерноморских варваров (Zos. II. 21). Этими варварами могли быть аланы, у которых в то время формировался второй политический центр в районе Нижнего Дуная. В. Н. Зубарь считает, что в данном столкновении варваров возглавлял бывший боспорский царь Равсимод⁷⁵. Если это так, то можно было бы видеть в этом царе именно Радамсада (во всяком случае, хронология совпадает). Всякие предположения здесь, однако, очень гипотетичны (А. А. Васильев, например, полагал, что сарматы Зосима, напавшие в 322 г. на империю – это готы, причем крымские⁷⁶).

В. М. Зубарь, следуя Константину Багрянородному, принимает 330-е гг. за время еще одной (или двух) войн Херсонеса и Боспора. Аргументы – четыре клада с последними монетами 328-

329 г. (два из них – в районе Судака)⁷⁷, постройка стены на Тамани архитектором Евтихом в 335 г. (КБН 1112), сокрытие ряда кладов на азиатском Боспоре 336 г. Быть может, на европейском Боспоре в это время появился узурпатор, вступивший в войну с Херсонесом, а Рескупорид VI укрылся на азиатской стороне⁷⁸. Возведение комплекса боспорской крепости на горе Опук (с гарнизоном из готов-федератов) В. К. Голенко связывает с последним этапом херсонесско-боспорских войн – ок. 336 г.⁷⁹ Однако не все специалисты согласны с такой датировкой этой войны. А. И. Айбабин, например, вслед за К. Цукерманом⁸⁰, отвергает информацию о войнах Херсонеса с Боспором (а также о походе херсонесцев на Дунай и о баллистариях)⁸¹. Достоверность сведений Константина Багрянородного поставлена под сомнение еще в нескольких последних крымских публикациях. Эта тема сейчас наиболее полно рассмотрена В. М. Зубарем⁸².

Традиционное для старой династии имя не может быть твердым доказательством того, что Рескупорид VI к ней принадлежал⁸³, но в любом случае принятие такого тронного имени отражало победу консервативных, т. е. проримских сил в политической жизни Боспора. Это был последний надежно установленный боспорский царь, а его эпоха – последняя, относительно неплохо поддающаяся реконструкции по источникам, прежде всего нумизматическим⁸⁴.

Одним из первых событий правления Рескупорида VI была поездка боспорского епископа Кадма (по другим спискам Домна) в Никею на I Вселенский собор 325 г.⁸⁵

Окончательное прекращение боспорской чеканки стало важным событием истории Боспора при Рескупориде. Почти 30 лет руководивший страной царь, вероятнее всего, умер вскоре после или одновременно с прекращением чеканки боспорских монет. В. А. Анохин считает, что прекращение чеканки монет произошло достаточно резко и неожиданно, так как перед самым концом чеканки интенсивность работы монетного двора была настолько высокой, что общепринятый взгляд о естественном прекращении процесса по причине хозяйственного упадка и натурализации

выглядит сомнительным⁸⁶. Поэтому решающую роль здесь сыграли какие-то внешние причины. Как бы там ни было, в настоящее время вопрос еще далек от окончательного разрешения.

В 333 г., в ходе внутрдинастического распределения территорий, Константин «разделил Римскую империю так, как частный человек мог бы разделить свою наследственную собственность» (Euseb. Vita Const. IV. 51-52). Константин дал своему племяннику Ганнибалиану «ненавистное римлянам имя царя (rex) и титул Nobilissimus» (Amm. Marc. XIV. I). В состав владений последнего с центром в Кесарии Каппадокийской вошли Понт, Каппадокия и Малая Армения. На всех монетах «царя Ганнибалиана» река Евфрат обозначает центр этого царства⁸⁷. Возможно, Ганнибалиану был предоставлен номинальный престол Армении и Понта с титулом «царя царей»⁸⁸, но эти страны еще предстояло завоевать. Наполнить этот титул реальным содержанием не удалось: в 337 г. после смерти Константина в числе других наследников императора в ходе борьбы за власть был убит и «царь Армении и Понта»⁸⁹. Для нас в этой истории важен вопрос: мог ли быть Боспор, хотя бы и номинально, включен в состав этого «царства»? В свое время Т. Моммзен связывал прекращение работы Боспорского монетного двора именно с его аннексией⁹⁰. Не были ли события 335-336 гг. (предполагаемая война с Херсонесом) связаны с попыткой аннексии в ходе реализации претензий Ганнибалиана? Незадолго до этого Феодосия могла быть возвращена Римской империей Боспору в духе установившейся дружбы между ними. Тогда нападение на Феодосию херсонеситов можно оправдать только устремлениями Ганнибалиана.

Последние три десятилетия догуннского периода лишены твердой опоры в источниках. Тем не менее, осветить этот период возможно. По мнению Р. Гарнетта, буквально принявшего хронологию Константина Багрянородного, в 342-360 гг. на Боспоре правил Савромат V, а в 360-371 гг. – Савромат VI⁹¹. Желание Гарнетта заполнить лакуну 342-371 гг. объяснимо, но некорректно, так как сведения Константина о двух последних Савроматах носят чисто литературный характер⁹². Без сомнения, и в эти темные годы сохраняется боспорская государственность и царская власть.

Очень важным является факт нахождения в Керчи двух серебряных фиал или патер, относящихся к категории вотивных сосудов, а также блюда с изображением Констанция II⁹³. Им посвящена обширная, в том числе и новейшая, литература. Эти чаши были, несомненно, подарены представителям высшей боспорской знати, а, может быть, и правителям Боспора, римской администрации⁹⁴. Сложнее решить вопрос об общем характере взаимоотношений Боспора с Римом в середине 40-х годов. Были ли эти дары Констанция II простым актом уважения знатным пантикапейцам за твердую проримскую ориентацию, или положение было сложнее? В. Д. Блаватский предполагает, что при Рескупориде и его преемниках Боспор довольно прочно входил в орбиту римского влияния⁹⁵. Вместе с тем, субсидии Рима для Боспора были прекращены.

В эти десятилетия повышается авторитет боспорской церкви. В 344 г. епископ участвовал в работе собора в Никомедии, в 358 г. – в следующем.

Большой интерес вызывает сообщение Аммиана Марцеллина под 362 г. (XXII. 7, 10): «С севера и пустынных пространств... ехали посольства боспорян и других, неведомых раньше народов, с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им дозволено было мирно жить в пределах родной им земли, платя ежегодно обычную дань». Анализируя этот отрывок, обычно подчеркивают страх боспорян в условиях начавшегося передвижения гуннов и их стремление заручиться помощью империи. Но при этом забывают, что кроме боспорян к императору ехали послы также и «неведомых народов». Это могли быть или представители каких-то племен гуннского союза, ибо аланы были известны в империи с I в. н. э., или племена, спасавшиеся от наступления готов Германариха. А. А. Васильев предполагал, что в 50-60-х гг. IV в. Боспор попал в сферу влияния формировавшейся тогда готской державы Германариха. Действительно, в то время готы распространили свою гегемонию на обширные районы Северного Причерноморья. Видимо, Боспор в это время опасался готов с северо-запада больше, чем гуннов. Но источников о подчинении Боспора готам нет⁹⁶. Вряд

ли готы составили в то время сколько-нибудь значительную часть населения Боспора. Германские элементы лишь присутствуют в синкретичной материальной культуре Боспора. Отметим также предположение о том, что «воинство Меотиды» III в. – герулы – осели близ Танаиса (Рогожкино XIII) и на северной оконечности Арабатской стрелки. Эта территория лежит за пределами собственно Боспора.

Общепризнан тезис об ухудшении экономического положения Боспора в позднеантичное время, о рустификации и натурализации хозяйства. Мы можем согласиться с этими положениями лишь в относительной мере. Усиление значения отдельных локальных районов (микрозон) находилось в прямой зависимости от сокращения функций и роли центральной власти. Естественно-природное деление на Боспоре всегда было важным фактором его истории, но теперь оно должно было усиливаться в связи с переходом к хозяйственной автаркии и самообороне⁹⁷.

III. От прихода гуннов до византийской аннексии (готское влияние и «гуннский протекторат»)

О происхождении гуннов и обстоятельствах их прихода в Европу на основании письменных источников сообщали все авторы, так или иначе пытавшиеся реконструировать историю позднего Боспора⁹⁸. К ним мало что можно добавить. Вторжение гуннов на земли танаитов было заключительным этапом борьбы с аланами междуморья. Появление гуннов в Восточной Европе могло показаться внезапным только тем готам, которые жили вдали от Меотиды⁹⁹. На запад двинулась, по всей видимости, лишь одна орда во главе с Баламиром¹⁰⁰. Она направилась через низовья Танаиса и обрушилась не на готов, а на родственные им племена, отошедшие ранее несколько западнее (алпидзуры, итимары, тункарсы)¹⁰¹, тем более не на Боспор, который гунны могли «зацепить» лишь в азиатской его части в период борьбы с аланами. Держава Германириха была разгромлена, после чего наступает деградация и финал черняховской культуры. За спиной Баламира, однако, осталось

сильное племя акациров, сопротивлявшееся гуннскому союзу до 40-х годов V в. (Prisc. 8). Таким образом, «вторжение» гуннов было широкой миграцией относительно слабо связанных элементов¹⁰², собиравшихся в ударный кулак лишь на короткое время.

Посреди нахлынувшего варварского моря Боспор сохранил свою государственность, тем более, что варвары «абсолютно не способны создать устойчивые длительные социальные и политические институты»¹⁰³. Но для этого ему, видимо, потребовалась поддержка – внутренняя (варвары-федераты) и внешняя (римская помощь могла возобновиться после посольства 362 г.).

Аммиан Марцелин ничего не сообщает о судьбе Боспорского царства и участи его населения¹⁰⁴. Это, видимо, не случайно. Описание гуннов Аммианом страдает преувеличениями (XXXI, 2. 1-12). Причины – в первом столкновении невиданного доселе кочевого азиатского народа с античной цивилизацией. «Гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, произвели у них страшные истребления и опустошения, а других привязали к себе договором примирения, с их помощью более уверенно внезапным набегом вторглись в широко распростершиеся и тучные паги Ерменриха, воинственнейшего короля, которого боялись из-за многих различных подвигов соседние народы» (Amm. Marc. XXXI, 3. 1). Как видим, о Боспоре здесь нет и речи, а цель гуннов – исключительно готская держава, представлявшая угрозу соседям.

Зосим во второй половине V в. говорит о «варварском племени, до того неизвестном и появившемся внезапно», и о том, что «Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им перейти пешком из Азии в Европу» (IV, 20). Тогда же в литературной традиции появляется легенда об олене или лани, показавших кочевникам брод через пролив (Soz. IV. 34). Старые комментаторы усматривали в этой легенде следы мифа об Ио, перешедшей пролив через брод. А. В. Гадло, однако, подчеркивает гуннский фольклорный характер этого предания¹⁰⁵. Авторы V-VI вв. стремились объяснить возможность перехода через водную преграду в 3-4 км полусказочными причинами, хотя понимали, что легенда об

олене мало достоверна. В дошедших фрагментах современника событий Евнапия нет рассказа об олене, но видна растерянность автора относительно правдивости сообщения о гуннах: «Где находились гунны, откуда они вышли, как пробежали всю Европу и оттиснули скифский народ, о том никто не сказал ничего ясного» (Eunap. 42).

Характерно, что ни у одного автора нет речи о замерзшем проливе и о переходе гуннов по льду. Так что вопрос о времени года, когда происходил переход, остается открытым. Даже помня о том, что уровень воды в проливе был тогда значительно ниже современного, вряд ли можно допустить наличие сплошного брода. Гунны переправлялись через реки в челноках¹⁰⁶. В большинстве версий говорится о переходе либо через Киммерийский Боспор, либо через «устье Меотиды». Зосим называет просто Боспор. Прокопий говорит об «устье Меотиды», подчеркивая, что, перейдя «Болото» и оказавшись на «противоположном материке», «киммерийцы» внезапно напали на готов (Bello Goth. VIII, 5). Об «устье Меотиды», впадающем в Понт, пишет Агафий Миринейский (V, 11), особо отмечая, что гунны «или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае, перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым». Созомен также говорит, что после переправы гунны столкнулись именно с готами (VI, 37). Иордан сообщает: «Гунны пешим ходом перешли Меотийское озеро, которое считали непроходимым как море» (Iord. 124).

Таким образом, судя по источникам, мы не имеем возможности утверждать, что гунны прошли на запад именно через Боспор. Трудно представить, что между двумя берегами Керченского пролива, как и между берегами Танаиса, не было сообщения. Вслед за вполне конкретными указаниями современников мы должны признать, что гуннского вторжения на Боспор в 370-х гг. просто не было¹⁰⁷. Ни одного сообщения в источниках по этому поводу нет. В середине же V в., когда гунны составляли главную угрозу империи, была создана легенда о переходе гуннов через море, впоследствии окончательно закрепившаяся в традиции.

Можно считать активную завоевательную политику Германариха (Iord. 23) одной, хотя и не единственной, из причин массового вторжения гуннов в остготскую державу. Вторая, видимо, могла состоять в том, что гунны были призваны римлянами как враги их врагов. Именно поэтому в Константинополе затем предпочли молчать о своем содействии, которое имело столько неприятных последствий не только для готов, но и для империи, и скрыть истинные причины под легендами. Гунны могли быть препровождены через Танаис или Меотиду, вероятно, на боспорских же судах, чтобы воевать против готов на территории северопонтийских степей. Так что путь на запад показала гуннам отнюдь не корова или лань.

При бегстве готов от гуннов (но не ранее) не исключены были и готские завоевания в восточном Крыму. По М. Казанскому, археологический материал фиксирует проникновение в Крым двух волн германцев: «вельбарской» III в. и «черняховской» IV – начала V вв. Вторая волна достигла, в первую очередь, восточного Крыма¹⁰⁸. Сообщение Прокопия о том, что город Боспор был «давно варваризирован» (De aedif. III. 7,12), можно понимать и так, что он в конце IV в. стал готским. Можно, вслед за Казанским, признать факт появления на Боспоре готских вещей с рубежа IV-V в. В связи с этими событиями и предположить, не стали ли эти готы федератами Боспора в новой геополитической ситуации? Во всяком случае, очень трудно разграничить возможную частичную инфильтрацию готов на Боспор при Германарихе и несколько более позднее проникновение туда бежавших от гуннов остготов.

Гунны же, как показал А. И. Айбабин, вошли в Крым с севера лишь на рубеже IV-V вв. или в начале V в.¹⁰⁹ Их могильники группируются в степной Таврике, а на Боспоре – до Узунларского вала, исключая единичные находки в Керчи.

История Боспора в V в. поддается лишь схематичному воссозданию. К 404 г. относится XIV письмо Иоанна Златоуста к Олимпиаде, в котором опальный патриарх высказывает беспокойство о судьбе крымско-готской епархии после смерти епископа Унилы (400-404)¹¹⁰. В связи с этим rex Gothorum направил в

Константинополь письма с просьбой о посылке нового епископа. На основании этого документа А. А. Васильев предполагал, что резиденция епископа готов могла быть скорее всего в Пантикапее-Боспоре, а не в горном Крыму¹¹¹, что, впрочем, небесспорно. Отметим также, что еще в 325 г. в Никейском соборе участвовал готский митрополит Феофил. Не исключено, что его резиденция была также на Боспоре¹¹², хотя твердо доказать это, как и опровергнуть, нельзя.

Готы двинулись на Боспор в ходе своего бегства от гуннов, но завоевать его, видимо, не смогли. По археологическим материалам получается, что как простые беженцы они были расселены боспорскими властями на менее значительных местах¹¹³, в пограничье на Киммерике. Возможно, часть знати поселилась в столице; этим фактом можно объяснить некоторое изменение характера погребений некрополя Боспора (дорогие «готские» вещи). Остготы в Европе в то время были союзниками гуннов, а их понтийские сородичи могли как противостоять гуннам вместе с дружественной боспорской знатью, за спиной которой теперь опять стоял Рим, так и участвовать частично в гуннских грабительских походах. Обе концепции нуждаются в тщательной разработке. Тогда и выяснятся причины появления богатых погребений боспорского некрополя – одного из самых ярких феноменов материальной культуры позднего Боспора.

Вопрос о степени самостоятельности Боспорского государства в данный период точно выяснить невозможно. Можно предполагать три варианта: 1) независимое Боспорское государство, инкорпорировавшее автономную готскую общину и расселившее готов-федератов на границах; 2) кондоминиум Боспора и Готии на одной территории; 3) «готский протекторат» над подчиненным готами Боспором при сохранении последних элементов самоуправления (М. М. Казанский). Первый вариант явно предпочтительнее прочих. Германские древности конца IV – первой половины V в. на Боспоре еще нуждаются в анализе. Причины их появления – тоже. Гораздо более важную реальную роль в жизни Боспора в первой половине V в. играла местная знать, в состав которой вошла и готская. Лидер

же ее мог быть любого этнического происхождения, не исключая и готов (аналогичная ситуация была в Западной Европе).

В отличие от политических связей, церковные отношения между Боспором и империей в V в. продолжались. В 448 г. боспорский епископ Евдокс принимал участие в Эфесском соборе, а через год – в Константинопольском. Христианская община к середине V в. была уже достаточно большой. Подтверждением тому служит надгробная плита диакона Евсевия из г. Боспора, относящаяся к 436-437 гг.¹¹⁴

Важнейшим источником является надпись КБН 67: «При Тиберии Юлии Дуптуне, царе благочестивом, друге кесарей и друге римлян, восстала башня сия, и при эпархе Исгудии, и при комите Спадине, заведующем пинакидой, и при первенствующем... те, сыне Савага, и при эпимелете постройки..., месяца Горпиэя, года... 9» (перевод В. В. Латышева с исправлениями Ю. Г. Виноградова). Это единственная надпись с именем боспорского царя послегуннского времени. В ней использована старая боспорская формула. Но, наряду с этим, есть изображение креста; эпитет «благочестивый» стоит перед текстом, что указывает на христианскую традицию, а титулы эпарх и комит часто встречаются в христианском Константинополе¹¹⁵. Самые большие трудности вызывает датировка надписи. Э. Миннз указывает, что эта надпись не может быть отделена очень большим интервалом от надписей предшествующих царей¹¹⁶. Датирует же он ее 383 г. И. Т. Кругликова относит эту надпись ко времени «не ранее Константина» (306-337): «Шрифт надписи, ее формула и названия других должностных лиц заставляют относить ее к IV в., и даже к первой его половине»¹¹⁷. Ю. А. Кулаковский отнес надпись к 522 г. В. В. Латышев предложил 402 г. и наиболее убедительно обосновал эту точку зрения. Ее принял и В. Д. Блаватский. Постройку башни при Дуптуне он связал с перестройкой оборонительных сооружений в столице из-за того, что сильно уменьшившийся в размерах город уже не мог теперь использовать старую оборонительную систему¹¹⁸. В 1998 г. Ю. Г. Виноградов, заново рассмотрев надпись, отнес ее к 483 г.¹¹⁹, что совпадает с последней цифрой, предложенной Миннзом, а также установил еще

один ранг государственной службы позднего Боспора – «первого среди комитов». Наблюдения Ю. Г. Виноградова демонстрируют несомненное усиление боспорского государства во второй половине V в., после почти столетия молчания источников. Этот факт еще нуждается во всестороннем осмыслении, но можно предположить, что он находится в связи с установлением гегемонии утигуров в этом регионе за 14 лет до надписи Дуптуна. В. П. Яйленко даже предположил, что Дуптун – это представитель «боспоризировавшегося» гуннского рода.

В середине V в., в эпоху державы Атилы северопричерноморские и северокавказские степи входили в сферу влияния гуннской «империи». При гуннской гегемонии в степном Крыму оседлого населения в первой половине V в., по-видимому, не было. Доминировало здесь кочевое племя альциагиров¹²⁰, которых Иордан помещал в степях «около Херсоны, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степи, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота, зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. 37). Действительно, Крымская степь не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов и нуждается в ежегодном восстановлении травяного покрова¹²¹. Это достигалось кратковременностью сезонных перекочевок. В степном Крыму из-за этого ни одно кочевое племя не могло оставаться надолго. Отдельные гуннские погребения заходят на территорию Боспора¹²².

В 454 г. в битве при Недао гунны были разбиты гепидами во главе с Ардарихом, в 463 г. – сарагурами, а в 469 г. – остготами и имперскими войсками. В условиях распада гуннской державы в Крым двинулись из Паннонии утигуры, которые считаются одной из первых групп ранних болгар¹²³. Они «со своим вождем решили вернуться домой, с тем, чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним» (Procop. Bello Goth. VIII, 5). Утигуры оттеснили альциагиров и прошли в Крым, где их и локализует Прокопий: «Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами» (Bello Pers. I, 12), и «если идти из Боспора в Херсон, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов» (Bello Goth. VIII, 5).

Движение утигуров на восток свидетельствует о том, что путь через «устье Меотиды» был им хорошо известен и ранее использован при движении гуннов на запад. Со второй половины V в. степные пространства Таврики оказались в прочном владении гуннов¹²⁴, т. е. были заселены ими. Но какова была реальная степень этого «владения»?

Из Прокопия нам известно, что, столкнувшись в (восточном?) Крыму с готами, утигуры оттеснили их частично в Крымские горы, частично в Прикубанье. Сражение между ними произошло, очевидно, на Керченском полуострове¹²⁵, после чего был заключен мир (Procop. Bello Goth. VIII, 5). Из этого сообщения ясно, что утигуры расположились в Прикубанье и далее на север по восточному берегу Меотиды вплоть до Танаиса, а Таврика вплоть до хазарского времени становится местом сезонных выпасов¹²⁶. Ряд исследователей считает возможным утверждать (по нашему мнению, безосновательно), что в 474 г. утигуры овладели Пантикапеем (а затем напали на Херсонес)¹²⁷. Мы не знаем, насколько реально мирным было для Боспора возвращение утигуров. С относительной уверенностью можно отметить лишь один случай разгрома боспорской крепости в середине V в. – на Ильичевском городище¹²⁸. Прокопий сообщает, что «утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними; между ними жило много племен, так что волей-неволей им не приходилось проявлять против них никаких враждебных действий» (Procop. Bello Goth. VIII. 5).

Из рассказа Прокопия о возвращении утигуров не ясно, владели ли в тот момент готы-тетракситы Боспором. В любом случае, утигуры стали новыми союзниками империи и оттеснили готов на восток (могильник Дюрсо). Отсюда – возрождение боспорской государственности при Дуптуне (483 г.).

Очевидно, роль очага цивилизации и большого рынка для торгового обмена между варварами и культурным югом помогла Боспору пережить трудный V век. Иордан сообщает, что отсюда шли в столицу империи меха, которые доставляли на Боспор соседние

варвары (Iord. 5). Эта статья экспорта существовала долгие века, независимо от смены кочевых племен по соседству с побережьем¹²⁹. В этой связи важным является отрывок из одной речи Фемистия, в котором ритор говорил о хлебной торговле с Боспором и Херсоном. А. В. Гадло считал, что это реальность 80-х гг. IV в., т. е. времени после гуннского нашествия (Them. XVII), но риторический характер текста и время создания речи не позволяют с этим согласиться. И все же, традиционные торговые связи Боспора, по всей видимости, уцелели, несмотря на смену степного населения¹³⁰.

Диагностирующим признаком культуры южнорусских степей гуннского времени являются ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации¹³¹. Гуннская «мода» сохранялась в Северном Причерноморье под влиянием утигуров¹³². Таким образом, в системе культуры южнорусских степей гуннского времени (наиболее полно эта культура представлена в работах И. П. Засецкой)¹³³ Боспор занимал важное место. В материальной культуре и ювелирном искусстве из степи и из Боспора прослеживаются несомненные параллели. И. П. Засецкая, суммируя памятники, выделяет два этапа этой культуры: 1) конец IV - первая половина V в.; 2) вторая половина V в. – начало VI в.¹³⁴ Однако отождествлять древности кочевников и оседлого населения Боспора мы (вслед за И. П. Засецкой) не можем.

Важнейшим памятником конца V в. является керченская христианская катакомба 491 г., описанная Ю. А. Кулаковским. На стенах склепа – дипинти стихов 90-го псалма. Характер письма – тот же, что и на боспорских эпиграфических памятниках. Памятник датируется по старой боспорской эре и четко утверждает непрерывность культурной жизни населения Боспора до конца V в.¹³⁵ В 1895 г. была открыта еще одна катакомба конца V в. Она во всем аналогична предыдущей, но ее материал гораздо беднее по содержанию¹³⁶. На стене тоже были начертаны стихи из 90-го псалма. Текст написан гораздо точнее и тщательнее, чем в катакомбе 491 г.¹³⁷ Этот склеп датируется 496 г.

К 497 г. относится точно датированная надпись с поверхности христианского мраморного памятника, от которого

сохранился только нижний правый угол¹³⁸. Плита с надписью, по мнению издателя, была укреплена в стене. Точное указание даты по боспорской эре – еще одно свидетельство сохранения основных форм жизненного уклада боспорян на рубеже VI в.

Пальчатые фибулы бытуют на Боспоре со второй половины V в. весь VI век¹³⁹ и являются принадлежностью готского женского костюма. С середины VI в. появляются орлиноголовые пряжки. Однако утверждать, что готы массово населяли в это время Боспор, было бы неосторожно. Проблема присутствия германцев в составе населения Боспора в это время крайне сложна. Так, А. И. Айбабин полагает, что просто мода без живых носителей костюма не могла распространиться. Но откуда на Боспоре германцы во второй половине V в., после вытеснения тетракситов? М. Казанский полагает, что это могли быть отдельные племена (ангискиры), вернувшиеся вместе с утигурами¹⁴⁰. Они сменяют здесь оторванных от общего готского массива тетракситов.

Новейшие раскопки на горе Митридат и городище, проводимые экспедицией ГИМ, симферопольскими и керченскими археологами, с каждым сезоном увеличивают наши представления о столице Боспора этого времени¹⁴¹. Сокращение территории некрополя и городища Пантикапея-Боспора на протяжении IV-VI вв., отмечавшееся ранее¹⁴², ныне подвергается большим сомнениям. Это свидетельствует о том, что численность населения города в это время вряд ли имела общую тенденцию к сокращению и не испытала резких потрясений.

С керченской катакомбой 491 г., видимо, связан найденный в 1896 г. в степи в районе Акры бронзовый цилиндр с металлическими пластинками, на которых была греческая надпись. В ней встречается то же самое имя, которое написано на стене керченской катакомбы – Фаиспарта. Издатель памятника В. В. Шкорпил считает, что можно допустить тождество людей, упоминаемых в обеих надписях¹⁴³. Кроме того, имя Савага (из керченской катакомбы) упоминается и в надписи на стене китейской катакомбы, открытой Ю. Ю. Марти в 1929 г. и отнесенной им к IV в.¹⁴⁴ Эти люди, по всей видимости, были знатным семейством, достаточно известным в

стране. Тот факт, что имена обоих обнаружены в одном районе Боспора вне столицы, наводит на мысль о том, что род Савага мог иметь значительные земельные владения в районе Китея – Акры (на некрополе Китея открыт склеп с именем Савага; последние исследования переносят датировку с III в. на более позднее время). При этом необязательно, что Саваг, сын Тасия из китейской надписи, идентичен Савагу из Керчи – это могло быть одно из часто употребляемых в роду имен. Это – один из аргументов в пользу существования отчасти варваризованной «феодальной» аристократии на Боспоре. Ю. Г. Виноградов реконструирует биографию Савага на основании ряда надписей и воссоздает его карьеру крупного государственного чиновника, имеющего владения на азиатском Боспоре, датируя ее 478-491 гг.¹⁴⁵, но игнорирует несомненную связь Савага с Китеем. По Виноградову, Саваг – сын Аристана. Но родственен ли он китейскому Савагу?

На периферии Боспора ситуация выглядела следующим образом. Танаис был восстановлен не ранее последней четверти IV в. (ок. 80-х гг.)¹⁴⁶. Вся площадь прежнего города III в. была вновь заселена, ремонтировались руины и строились новые дома¹⁴⁷. Однако кое-где развалины III в. не были разобраны, а лишь отгорожены стенами от восстановленных жилых кварталов¹⁴⁸. Существование Танаиса¹⁴⁹ в центре обширной варварской области позволяет поставить вопрос о постантичном городе Северного Причерноморья в теоретическом плане¹⁵⁰. В середине V в. город окончательно угасает.

Устойчивой тенденцией развития позднего Боспора было медленное, но неуклонное сокращение числа сельских поселений. Комплексные причины этого явления – те же, что и в основных центрах античной цивилизации. На островах Таманского архипелага в III в. существует около 140 поселений, на рубеже IV-V вв. точно установлено пока 35¹⁵¹. Однако имеющийся материал свидетельствует о том, что экономический потенциал азиатского Боспора в IV-VI вв. был высок¹⁵².

Ю. Г. Виноградов сделал ряд выводов о состоянии Боспорского государства в данный период на основании проде-

ланного им анализа датированных боспорских надписей V в. По его мнению, Боспорское государство как стержень континуитета в этот период не просто существовало, но процветало¹⁵³ и имело достаточно крепкий и разветвленный аппарат управления. Это мнение в общих чертах следует концепции византийского этатизма. На наш взгляд, государство на Боспоре не могло быть таким сильным по объективным экономическим и внешнеполитическим причинам. Континуитет истории Боспора и его государственности отнюдь не тождествен византийскому. Он имел место скорее вопреки складывавшимся обстоятельствам¹⁵⁴. Государство в этот период держалось на силе боспорской знати («феодалов»), многовековом укладе жизни, локальных микрорайонах (узлах прочности). «Протекторат» со стороны утигуров также играл для Боспора скорее консервирующую, чем разрушительную роль¹⁵⁵. Влияние прихода утигуров на усиление государства на Боспоре имело место; скорее всего, империя поддерживала утигуров в их борьбе с кутригурами, и за это утигуры охраняли Боспор. Помимо царя двор в это время составляли епарх, комит, секретари, протокомиты как главы административных единиц на местах. Назначение глав округов из центра, как утверждает Ю. Г. Виноградов, по нашему мнению, не противоречит вполне самостоятельному фактическому положению локальных микрорайонов.

IV. Первый период византийской власти (VI в.)

Судьбы позднеантичного Боспора нашли свое завершение в VI в. В начале этого столетия регион вновь попадает в сферу внимания авторов письменных источников, что связано с активизацией здесь политики Византии. «Византийское правительство, опекая свои интересы на дальней окраине Тавриды, ...не могло долее спокойно относиться к владычеству гуннов в степях полуострова»¹⁵⁶. При Юстине (518-527 гг.) «боспориты отдали себя под власть императора» (Проспер. ВР. I. 12,8). Юстин отправил в Боспор патрикия Проба, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить утигуров прийти на помощь иверам в

войне против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, зато на Боспоре высадился небольшой византийский отряд (арифм стратиотов-испанцев во главе с апоипатом Иоанном) и поставил страну под непосредственный контроль империи (около 523 г., по другим данным – 527 г.), оказавшийся, по сути, номинальным¹⁵⁷. Была развернута активная миссионерская деятельность.

Видимо, под влиянием одной из таких миссий вождь (рикс) утигуров Грод (Гордас) решил принять христианство. В Константинополе над ним было совершено таинство крещения, причем восприемником гунна был сам император. После этого Грод получил пышный имперский титул и был отправлен на Боспор «блюсти интересы империи». В ходе христианизации филарх приказал переплавить идолов и пал жертвой гуннского мятежа, спровоцированного, вероятно, жрецами¹⁵⁸. В результате византийский отряд был уничтожен, город Боспор (Пантикапей) захвачен варварами, многие города Боспора подверглись погромам (Тиритака¹⁵⁹, Зенонов Херсонес и др., главным образом, на европейской стороне, а также Фанагория и Кепы)¹⁶⁰. Этот мятеж привел к временному восстановлению гуннского господства в районе Боспора (эти события происходили где-то между 528 и 534 гг.)¹⁶¹. Археологами прослеживаются пожары и разрушения этого времени в Пантикапее, Тиритаке, Зеноновом Херсонесе, Китее, Фанагории.

После переворота у утигуров и убийства Грода политика империи в регионе стала проготской. Утигуров постигла судьба тетракситов. Боспор был отвоеван имперскими отрядами, состоявшими из готов.

К 533 г. относится плохо сохранившаяся надпись с упоминанием имени Юстиниана¹⁶². В ней читается имя трибуна Ангулата, возможно, отправленного комитом в Ильичевку или другой город Тамани¹⁶³.

Вскоре после гуннского мятежа Юстиниан высадил на Боспоре войска, состоявшие из готов под командованием трибуна Делматия, и окончательно включил его в состав империи (Theophan. под 534 г.; Malala, 433). Прокопий в речи армянских послов к

персидскому шаху перечислил последние успехи Юстиниана: «Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший?» (ВР. II. 3,40). «И стал жить в мире Боспор под управлением римлян», – заключает Иоанн Малала (Malala, 433). По его же сообщению, в первой половине VI в. гунны, жившие близ Боспора, приняли христианство (Malala, 481). Логично предположить, что христианизация гуннов сделала решающие шаги лишь после византийской оккупации.

Таким образом был создан единый блок византийских владений в Крыму от Херсона до Боспора. Имперская граница была упрочена рядом укреплений, называемых некоторыми специалистами таврическим лимесом¹⁶⁴. В 30-40-х гг. Юстиниан развернул широкую строительную программу в регионе (Procop. De aedif., III. 7, 10, 12). Образцовым памятником византийского времени является Ильичевское городище¹⁶⁵. Но и этот период также не был мирным. Незадолго до 545 г. Фанагория и Кепы были захвачены гуннами и разрушены (Procop. BG. VIII. 5,28-29). Видимо, после этих событий Византия сохранила за собой на азиатской стороне лишь остров Киммериду. Трудно сказать, что вызвало рецидив агрессивности утигуров, – возможно, запоздалое понимание того, что Византия пришла сюда «всерьез и надолго». Однако А. В. Сазанов отрицает факт этого погрома как отдельного эпизода и относит данные разрушения к восстанию против Грода, датируя его не ранее 538 г.¹⁶⁶ Аргумент: десятилетняя разница в этих двух погромах не прослеживается по сменам форм керамики. После агрессии 540-х гг. (не доверять традиции у нас нет оснований) ставка утигуров и тяготевших к ним оногуров находилась в Фанагории¹⁶⁷, ставшей центром консолидации болгарских племен, завершившейся при Кубрате (вторая четверть VII в.) созданием Великой Болгарии под главенством оногуров.

Ряд боспорских надписей эпохи Юстиниана и Маврикия ярко отразил факт византийской аннексии. Они имеют совершенно иную дипломатику, чем прежде. Упоминаются исключительно имена византийских императоров (СГНХВ 98, 99) вместе с их уполномо-

моченными (трибуном и стратилатом). Датировка осуществляется только по индиктам¹⁶⁸.

Концом позднеантичного периода на Боспоре можно условно считать византийскую аннексию, после чего правильнее было бы употреблять термин «ранневизантийская эпоха». Но фактически резкий слом прежнего уклада жизни произошел позднее. Пришедшие в Приазовье тюркюты создали мощное объединение во главе с ханом Истеми. Еще в 575 г. была издана новелла Тиберия об освобождении Боспора и Херсона от морской повинности¹⁶⁹. А уже через год город Боспор и его окрестности были взяты тюркютским отрядом во главе с Турксанфом. Тюрки сожгли и разрушили городские кварталы на горе Митридат и в приморской части Пантикапея-Боспора. Слои пожара зафиксированы у храма Иоанна Предтечи и в Кооперативном переулке¹⁷⁰.

По утверждениям Э. Я. Николаевой и А. В. Сазанова, в 576 г. тюрки разгромили все крепости и малые города Боспора. Однако А. И. Айбабин считает, что Боспор и окрестные городки сильно пострадали, но не погибли¹⁷¹. В любом случае, последствия тюркского разгрома были серьезными. Население значительно уменьшилось. Часть малых городов, видимо, погибла. На Тиритаке, Илурате, в Зеноновом Херсонесе многие усадьбы остались в руинах. Но многое было и восстановлено. Это вторжение принесло значительные разрушения, но также не может быть названо катастрофическим¹⁷². Его можно лишь условно принять за окончание позднеантичного периода в истории Северного Причерноморья с общеисторических позиций (602 г. – условная дата). От четкого хронологического рубежа в последнее время отказался и А. В. Сазанов¹⁷³.

Византия впоследствии еще не раз возвращала себе Боспор¹⁷⁴, начиная уже с 589 г.¹⁷⁵ Тюрки ушли с Боспора в 581 г. После нескольких лет безвластия, как следует из надписи 590 г., Боспор попал под власть византийской администрации в лице дуки Херсона. Дука Херсона, вероятно, содействовал восстановлению разрушенных тюрками общественных (кесарских) зданий и оборонительных сооружений. Однако, в городе Боспоре на протяжении VII в. были

восстановлены не все кварталы (в центре города из трех усадеб – одна). Развалины на горе Митридат были сnivelированы. Там был устроен христианский плитовый некрополь (только в VII в.; северный склон стал некрополем раньше)¹⁷⁶. В 70-е гг. VII в. происходит хазарское завоевание Боспора. Это событие имело большие исторические последствия, надолго прервав византийское влияние в регионе. Единая материальная культура, как утверждает А. И. Айбабин, продолжает свое существование и эволюционирует на Боспоре в основном до конца VII в.

Итак, финал античности на Боспоре нельзя привязать к одному событию. Весь VI век, по сути, является переходным. Изменения в материальной культуре и образе жизни обитателей Боспора стали необратимыми лишь постепенно¹⁷⁷. От прежнего царства с VII в. остался лишь один город Боспор, слои которого плохо изучены и почти не опубликованы. Сильно варваризованное греческое население, ориентирующееся на Византию, существует здесь, видимо, до XIII в.¹⁷⁸, а возможно и позднее.

¹ См.: Болгов Н. Н. Некоторые проблемы историографии Боспора IV-VI вв. // Проблемы историографии всеобщей истории. – Петрозаводск, 1991. – С. 33-38; Болгов Н. Н. Отечественная историография о проблеме континуитета истории позднего Боспора // Жебелевские чтения – 3. – СПб., 2001. – С. 216-220. Более полный историографический разбор этой проблемы подготовлен нами к печати: Болгов Н. Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья позднеантичного времени. – Белгород, 2002.

² Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время // Античная археология и история. – М., 1985. – С. 242-260.

³ Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). – СПб., 1994. – С. 132-161.

⁴ Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV-V вв.). – Белгород, 1996. – С. 26-63.

⁵ Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дис... докт. ист. наук. – М., 1999. — С. 21-40.

⁶ Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 5-43.

⁷ Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. – К., 1998. – С. 142-182.

⁸ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.

⁹ Блаватский останавливается на 275-565 гг.: Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время. – С. 242. Ср. Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – С. 5, 42-43 (сер. III – вторая четв. VI в.).

¹⁰ Ср.: Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – С. 5; Айбабин А. И. Население Крыма в середине III – IV вв. // Материалы по

- археологии, истории, этнографии Таврии (далее – МАИЭТ). – Вып. V. – Симферополь, 1996. – С. 297.
- ¹¹ Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. – С. 20.
- ¹² Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н. э. – К., 1993. – С. 153-154. В. М. Зубарь недавно выдвинул идею об угасании Ольвии в конце 50-х – середине 60-х гг. III в. / Зубарь В. М. О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III – первая половина IV в.) // Вестник древней истории (далее – ВДИ). – 2001. – № 1. – С. 134.
- ¹³ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. – М., 1966. – С. 6.
- ¹⁴ Ранее была принята дата: 240-е гг. См.: Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. – М., 1972. – С. 302-304.
- ¹⁵ Симоненко А. В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // Российская археология (далее – РА). – 2001. – № 4; Гудименко И. В. Погребения позднеантичного времени у хут. Рогожкино в дельте Дона // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 272-281.
- ¹⁶ Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. // Stratum+ ПАВ. – СПб.; Кишинев, 1997. – С. 157.
- ¹⁷ Кругликова И. Т. Боспор III-IV вв. в свете новых археологических исследований // Краткие сообщения Института археологии АН СССР (далее – КСИА). – Вып. 103. – М., 1965. – С. 8.
- ¹⁸ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – М., 1990. – С. 76, прим. 38.
- ¹⁹ Лавров В. В. Герулы в Причерноморье // Stratum+ ПАВ. – СПб.; Кишинев, 1997. – С. 214-217.
- ²⁰ Millar F. The Roman Empire and its Neighbours. – New-York, 1981. – P. 319.
- ²¹ Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. – М., 1954. – С. 133.
- ²² Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Василевский В. Г. Труды. – Т. 2. – Вып. 2. – СПб., 1912. – С. 361-362, прим. 2. В IV в. бораны локализируются где-то в юго-восточном углу Черного моря (см.: Хайрединова Э. А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь, 1995. – С. 520).
- ²³ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – С. 93.
- ²⁴ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. – С. 16.
- ²⁵ Моммзен Т. История Рима. – Т. 5. – М., 1949. – С. 623.
- ²⁶ Кругликова И. Т. Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки // Советская археология (далее – СА). – 1958. – № 3. – С. 69.
- ²⁷ Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242-276 гг.) по нумизматическим данным // СА. – 1980. – № 3. – С. 69.
- ²⁸ Блаватский В. Д. Пантикапей. – М., 1964. – С. 203.
- ²⁹ Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках Керчи в 1964 г. // ВДИ. – 1970. – № 2. – С. 98. – Прим. 38.
- ³⁰ Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242-276 гг.) по нумизматическим данным // СА. – 1980. – № 3. – С. 74.
- ³¹ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. – С. 18. В последнее время высказывается предположение о тектоническом характере хотя бы части этих разрушений.

- ³² Горончаровский В. А. Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 37.
- ³³ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. – С. 6.
- ³⁴ Коровина А. К. Позднеантичная Гермонасса (по материалам раскопок 1973-75 гг.) // Проблемы античной культуры. – М., 1986. – С. 167.
- ³⁵ Даньшин Д. И. К вопросу об изменениях в этническом составе населения Пантикапея в III четв. III в. и об уточнении датировки надписи КБН 947 из Феодосии // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. – М., 1986. – С. 46.
- ³⁶ Моммзен Т. История Рима. – Т. 5. – С. 222.
- ³⁷ Болгов Н. Н. «Портрет уходящей эпохи» (к интерпретации КБН 36) // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. – М., 1999. – С. 17-19. См. также: Сидоренко В. А. Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. (по материалам эпиграфики) // Боспорские исследования. – Т. I. – Симферополь, 2001. – С. 137-146.
- ³⁸ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия Археологической комиссии (далее – ИАК). – Вып. 49. – 1913. – С. 29. – Прим. 2.
- ³⁹ Фролова Н. А. Монетное дело Тейрана (266, 275-278 гг.) // КСИА. – Вып. 204. – М., 1991. – С. 103.
- ⁴⁰ Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. – СПб., 1914. – С. 2. – № 1.
- ⁴¹ Там же. – С. 65-67.
- ⁴² Gajdukevic V. F. Das Bosporanische Reich. – Berlin; Amsterdam, 1971. – S. 475-476.
- ⁴³ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. – М.; Л., 1949. – С. 452.
- ⁴⁴ Зограф А. Н. Античные монеты. – М., 1951. – С. 211.
- ⁴⁵ См.: Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. – С. 34-35; Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – С. 13-14; Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. – К., 1998. – С. 154-160; Сидоренко В. А. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье. – Симферополь, 1994. – С. 65-69; Юрочкин В. Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии / / Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999. – С. 279-282; Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 282.
- ⁴⁶ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). – К., 1977. – С. 92.
- ⁴⁷ Nadel B. Litterary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus-Information on the Bosporan kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // *Annales litteraires de l'Universite de Besancon*. – Paris, 1977. – P. 92.
- ⁴⁸ Фролова Н. А. Монетное дело Фофорса (285-308 гг.) // СА. – 1984. – № 2. – С. 48.
- ⁴⁹ Gajdukevic V. F. Das Bosporanische Reich. – S. 497 – Прим. 3; Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. – Т. VI. – 1940; Кулаковский Ю. А. К вопросу об имени города Керчи // ХΑΡΙΥΤΕΡΙΑ. Сб. в честь Ф. Е. Корша. – М., 1896. – С. 187-195.

- ⁵⁰ Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // *Античное общество*. – М., 1967. – С. 206.
- ⁵¹ Юрочкин В. Ю. Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. – Запорожье, 1999. – С. 279-282.
- ⁵² Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. – С. 19. Более полный обзор см.: Голенко В. К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // *Херсонесский сборник* (далее – ХСб). – Вып. 10. – Севастополь, 1999. – С. 45-47.
- ⁵³ Шелов Д. Б. Феодосийский клад боспорских «статеров» // *ВДИ*. – 1950. – № 2. – С. 134-139.
- ⁵⁴ Юрочкин В. Ю., Зубарев В. Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // *Древности Босполора* (далее – ДБ). – Вып. 4. – 2001. – С. 457. – Прим. 7.
- ⁵⁵ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901-03 гг. // *ИАК*. – Вып. 10. – 1904. – С. 127. – № 21.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Надэль Б. И. Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // *Acta Antiqua*. – Т. 9. – Ч. 1-2. – Budapest, 1961. – С. 236.
- ⁵⁸ Там же. – С. 237.
- ⁵⁹ Там же. – С. 236; Петрова Э. Б. Менестрат и Сог (к вопросу о наместниках в Феодосии первых вв. н. э.) // *Боспорские исследования* (далее – БИ). – Вып. I. – Симферополь, 2001. – С. 44-54; Сидоренко В. А. Высшие воинские должности на Боспоре во II – нач. IV вв. (по материалам эпиграфики) // *БИ*. – Вып. I. – Симферополь, 2001. – С. 137-146.
- ⁶⁰ Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время. – С. 247.
- ⁶¹ Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – С. 15.
- ⁶² Фролова Н. А. Монетное дело Фофорса (285-308 гг.). – С. 51.
- ⁶³ Моммзен Т. История Рима. – Т. 5. – С. 270.
- ⁶⁴ Соломоник Н. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – К., 1959. – С. 75. – Рис. 30.
- ⁶⁵ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. – С. 19.
- ⁶⁶ Крыкин С. М. Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье // *Проблемы исследований античных городов*. – М., 1989. – С. 60-61.
- ⁶⁷ Исанчурин Р. А., Исанчурин Е. Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада / / *Нумизматика и эпиграфика* (далее – НиЭ). – Т. XV. – 1989. – С. 53-96.
- ⁶⁸ Фролова Н. А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // *СА*. – 1989. – № 4. – С. 198.
- ⁶⁹ Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время. – С. 248.
- ⁷⁰ Фролова Н. А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // *СА*. – 1975. – № 4. – С. 50.
- ⁷¹ Голенко К. В. К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора // *Византийский временник* (далее – ВВ). – Т. 25. – 1964. – С. 178.
- ⁷² Зограф А. Н. Античные монеты. – С. 212.
- ⁷³ Харко Л. П. Тиритакский монетный клад 1946 г. // *ВДИ*. – 1949. – № 2. – С. 73; Шелов Д. Б. Феодосийский клад боспорских статеров // *ВДИ*. – 1950. – № 2. – С. 139.

- ⁷⁴ Фролова Н. А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI. – С. 52.
- ⁷⁵ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н. э. – 2-я половина V в.): Автореф. дис... докт. ист. наук. – К., 1991. – С. 25; Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. – К., 1994. – С. 123; Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. – К., 1998. – С. 157; Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – С. 16.
- ⁷⁶ Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 1 // Известия Государственной академии истории материальной культуры (далее – ИГАИМК). – 1921. – С. 289.
- ⁷⁷ Исанчури Р. А., Исанчури Е. Р. Монетное дело царя Радамсада. – С. 90-92.
- ⁷⁸ Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. – С. 158; Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – С. 17.
- ⁷⁹ Голенко В. К., Юрочкин В. Ю., Синько О. А., Джанов А. В. Рунический камень с г. Опук и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора (далее – ДБ). – Т. 2. – 1999 – С. 87; Голенко В. К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук. – С. 47; Юрочкин В. Ю. Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице. – Керчь, 2000. – С. 131.
- ⁸⁰ МАИЭТ. – Вып. IV.
- ⁸¹ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 48.
- ⁸² Зубарь В. М. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV-V вв. // STRATUM+. 2000. – № 4. – С. 291-303.
- ⁸³ Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время. – С. 249.
- ⁸⁴ Фролова Н. А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI. – С. 45-56; Frolova N. A. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus AD 242-341/2. – Oxford, 1983.
- ⁸⁵ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – К., 1914. – С. 50 (Изд. 2. – К., 2002); Бенешевич В. Н. Синайский список отцов Никейского I Вселенского собора // ИАК. – Серия VI. – Т. 2. – СПб., 1908. – С. 295.
- ⁸⁶ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. – К., 1986. – С. 214.
- ⁸⁷ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. – Т. 2. – М., 1885. – С. 268. – Прим. 1.
- ⁸⁸ Ферреро Г. Гибель античной цивилизации. – К.; Лейпциг, 1923. – С. 93.
- ⁸⁹ Пареди А. Святой Амвросий Медиоланский и его время. – Милан, 1991. – С. 20-21.
- ⁹⁰ Моммзен Т. История Рима. – Т. 5. – С. 268.
- ⁹¹ Garnett R. The Story of Gycia // The English Historical Rewiew. XII. – N. Y.; Bombay, 1897. – P. 102-103.
- ⁹² Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 454. – Прим. 25.
- ⁹³ Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. – Л., 1926. – С. 9.
- ⁹⁴ Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время. – С. 250.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Васильев А. А. Готы в Крыму. – Ч. 1. – С. 289.
- ⁹⁷ Болгов Н. Н. К проблеме локальных территориально-хозяйственных комплексов позднего Боспора (Китей IV-V вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры

- (далее – ПИФК). – Вып. 3. – Ч. 1. – М.; Магнитогорск, 1996. – С. 82-87; Его же. Территориально-хозяйственная структура позднего Боспора // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 1997. – С. 37; Его же. Территориально-хозяйственные микрзоны на Боспоре (дескриптивный обзор) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., 2001. – С. 235-241.
- ⁹⁸ Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время. – С. 251-253; Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). – С. 132-142; Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 22-28.
- ⁹⁹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – Л., 1979. – С. 12.
- ¹⁰⁰ Там же. – С. 14.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. – С. 15.
- ¹⁰³ Тойнби А. Постижение истории. – М., 1991. – С. 553.
- ¹⁰⁴ Maenchen-Helfen O. The world of the Huns. – Los-Angelos, 1973. – P. 26.
- ¹⁰⁵ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – С. 16.
- ¹⁰⁶ Maenchen-Helfen O. The world of the Huns. – P. 215.
- ¹⁰⁷ Ср.: Сазанов А. В. Города и поселения Боспора ранневизантийского времени. – С. 28.
- ¹⁰⁸ Байер Х. Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2000. – С. 16.
- ¹⁰⁹ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 73. Хронология вещей охватывает 360/370 – 400/410 гг. (наиболее ранние).
- ¹¹⁰ Иоанн Златоуст. Творения. – Т. 3. – СПб., 1900. – С. 637-645.
- ¹¹¹ Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. – Вып. V. – Л., 1927. – С. 304.
- ¹¹² Юрочкин В. Ю. Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен. – СПб., 1999. – С. 326-332.
- ¹¹³ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – С. 32-33. Об интерпретации готского влияния в склепах боспорской знати см.: Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 277-297.
- ¹¹⁴ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896. – № 86.
- ¹¹⁵ Minns E. Scythians and Greeks. – London, 1913. – P. 610.
- ¹¹⁶ Ibid.
- ¹¹⁷ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. – С. 21-22.
- ¹¹⁸ Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время. – С. 255.
- ¹¹⁹ Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. – 1998. – № 1. – С. 234-238.
- ¹²⁰ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 14. См. также: Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ. – Вып. III. – Симферополь, 1993. – С. 206-211; Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // ХСБ. – Вып. X. – Севастополь, 1999. – С. 194-207.
- ¹²¹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – С. 15.

- ¹²² Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 284 со ссылками на работы А. И. Айбабина.
- ¹²³ Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М., 1978. – С. 51-53; Ромашов С. А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V-VII вв. / Рукопись депонирована в ИНИОН РАН № 46250 от 17. 03. 1992.
- ¹²⁴ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – К., 1914. – С. 55.
- ¹²⁵ Васильев А. А. Готы в Крыму. – Ч. 1. – С. 308.
- ¹²⁶ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 15.
- ¹²⁷ Пятышева Н. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I-VI веках н. э. // Античное общество. – М., 1967. – С. 186. Аргументация датировки не изложена.
- ¹²⁸ Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). – Т. 2. – Ереван, 1979. – С. 376-377.
- ¹²⁹ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – С. 59.
- ¹³⁰ Там же. – С. 60.
- ¹³¹ Бажан И. А., Шукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (далее – АСГЭ). – Вып. 30. – 1990. – С. 83.
- ¹³² Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник (далее – БС). – Вып. 1. – 1992. – С. 72.
- ¹³³ Засецкая И. П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. – Вып. 30. – 1990. – С. 97-106; Засецкая И. П. Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – 1-й пол. V в. // МАИЭТ. – Вып. III. – Симферополь, 1993. – С. 23-104; Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). – СПб., 1994 и др.
- ¹³⁴ Засецкая И. П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). – Вып. 27. – 1986. – С. 86.
- ¹³⁵ Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 г. // Материалы по археологии Росий (далее – МАР). – Вып. 6. – 1891. – С. 22.
- ¹³⁶ Кулаковский Ю. А. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. – Вып. 19. – 1896. – С. 63.
- ¹³⁷ Шкорпил В. В. Вновь найденная христианская катакомба // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). – Т. 18. – 1895. – С. 188-196.
- ¹³⁸ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. // ИАК. – Вып. 14. – 1905. – С. 90. – Надпись 107. Надписи 100-106 также христианские, скорее всего V в.
- ¹³⁹ Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. – С. 75.
- ¹⁴⁰ Казанский М. Восточные германцы и Северное Причерноморье во второй половине V-VI вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 25-26; Его же. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет Черняховской культуре. – К., 1999. – С. 285.
- ¹⁴¹ Журавлев Д. В. Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей. – СПб., 1999. – С. 28-32.
- ¹⁴² Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – Вып. XXI. – 1954. – С. 151.

- ¹⁴³ Шкорпил В. В. Вновь найденная христианская катакомба // ЗООИД. – Вып. 18. – 1895. – С. 8-9.
- ¹⁴⁴ Марти Ю. Ю. Раскопки городища Китэя в 1828 г. – Симферополь, 1929. – С. 15.
- ¹⁴⁵ Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. – С. 241-242.
- ¹⁴⁶ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. – М., 1972. – С. 327. В последнее время возрождение города осторожно переносят на середину IV в.
- ¹⁴⁷ Там же. – С. 328.
- ¹⁴⁸ Шелов Д. Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 84.
- ¹⁴⁹ Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Танаис IV-V вв. н. э. (по материалам раскопок 1989-1992 гг.) // БС. – Вып. 6. – М., 1995. – С. 45-58 и др.
- ¹⁵⁰ Болгов Н. Н. К проблеме типологии постантичного города в Северном Причерноморье (Ольвия, Танаис) // Ольвия та античний світ. – К., 2001. – С. 25-29. Идея принадлежит В. М. Зубарю.
- ¹⁵¹ Воронов А. А., Паромов Я. М. Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 29-31.
- ¹⁵² Устаева Э. Р. Археологические раскопки у поселка Ильич // Таманская старина. – Вып. I. – СПб., 1998. – С. 81.
- ¹⁵³ Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. – С. 246.
- ¹⁵⁴ Подробнее см.: Болгов Н. Н. Позднеантичное государство на Боспоре: угасание или расцвет? // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб., 1998. – С. 18-24.
- ¹⁵⁵ Болгов Н. Н. О характере отношений Боспора с гуннами в IV-VI вв. // Боспор и античный мир. – Н. Новгород, 1997. – С. 21-29.
- ¹⁵⁶ Васильев А. А. Готы в Крыму. – Ч. 2. – С. 179.
- ¹⁵⁷ Также: Zach. XII. 7. См.: Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – Cambridge; Mass., 1936. – P. 70.
- ¹⁵⁸ Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 г. – С. 27.
- ¹⁵⁹ Сазанов А. В. Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. – Керчь, 1984. – С. 17.
- ¹⁶⁰ Гайдукевич В. Ф. Раннесредневековые памятники Тиритаки // СА. – Вып. VI. – М.; Л., 1940. – С. 200.
- ¹⁶¹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарии. – М., 1980. – С. 50-51, 79.
- ¹⁶² Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896. – С. 98-105. – № 98.
- ¹⁶³ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 100.
- ¹⁶⁴ Критику концепции см.: Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 34-35.
- ¹⁶⁵ Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища. – С. 378-379.
- ¹⁶⁶ Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 33.
- ¹⁶⁷ Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. – Т. 2. – София, 1981. – С. 15-16.
- ¹⁶⁸ Цит. по: Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству.

-
- Виноградов Ю. Г. Греческие надписи IV-VI вв. как источник по истории стеностроительства в Херсонесе (рукопись).
- ¹⁶⁹ Васильев А. А. Готы в Крыму. – Ч. 2. – С. 183.
- ¹⁷⁰ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 135.
- ¹⁷¹ Там же. – С. 141.
- ¹⁷² Сазанов А. В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // ДБ. – Т. 3. – М., 2000. – С. 236.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – СПб., 1993. – С. 50.
- ¹⁷⁵ Подробнее см.: Болгов Н. Н. Боспор Византийский // ПИФК. – Вып. 6. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 116-123. См. также: Храпунов Н. И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 253-254.
- ¹⁷⁶ Айбабин А. И. Боспор в конце VI-VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 5; Его же. О хронологии некрополя Боспора VI-VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 5-8. Подробнее см.: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 141-142.
- ¹⁷⁷ Макарова Т. И. Средневековый Корчев по раскопкам 1963 г. в Керчи // КСИА. – Вып. 103. – М., 1965. – С. 76.
- ¹⁷⁸ Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. – Т. XXI. – Одесса, 1898. – С. 11-27.